

УДК 338

МЕЖДУ ТЕОРИЕЙ И ПРАКТИКОЙ (о монографии В.И. Ишаева, В.В. Ивантера, Д.Б. Кувалина «Экономика Дальнего Востока и Байкальского региона: государственный подход»)

А.Н. Демьяненко

Демьяненко Александр Николаевич – доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник. Институт экономических исследований ДВО РАН, ул. Тихоокеанская, 153, Хабаровск, Россия, 680042. E-mail: demyanenko@ecrin.ru.

В работе представлена рецензия монографии В.И. Ишаева, В.В. Ивантера, Д.Б. Кувалина «Экономика Дальнего Востока и Байкальского региона: государственный подход». В качестве достоинства монографии отмечено развитие тезиса о превращении восточных территорий в один из главных способов ускорения социально-экономической динамики России в целом. В качестве основного недостатка – отсутствие анализа теоретических и методологических проблем регионального развития, что является отражением деструктивных стереотипов, сложившихся в теории и практике регионального стратегического планирования; ограниченность библиографических источников.

Государственная экономическая политика, государственная программа, долгосрочные перспективы, макрорегион, Дальний Восток и Байкальский регион.

DOI: 10.14530/se.2016.3.172-187

Появление весной этого года книги «Экономика Дальнего Востока и Байкальского региона: государственный подход» [8] далеко не рядовое событие в отечественной экономической науке. В предельно краткой форме, как говорится, по горячим следам, автор откликнулся на выход этой книги в журнале «Регионалистика» [7], пообещав дать развернутый (но не всеобъемлющий) анализ в ближайшее время. Это время пришло.

Прежде всего, зафиксируем тот факт, что при всей жанровой неопределенности [7] мы имеем дело с весьма специфической, научной монографией.

Как в случае любого монографического исследования, необходимо ознакомить читателя с целями, которые ставили перед собой авторы – В.И. Ишаев, В.В. Ивантер и Д.Б. Кувалин, а затем и со структурой книги.

Сразу же отметим, что в явном виде цели не сформулированы. Однако, судя по содержанию раздела, озаглавленного «От авторов», есть, как минимум, одна главная цель и некоторая совокупность, скажем так, целей второго порядка. Что касается главной цели, то она заключается в том, чтобы представить «...общий замысел первой – наиболее масштабной и всесторонней – версии Государственной программы» [8, с. 4]. Но помимо главной цели авторы считают необходимым отметить, что «в книге предпринята попытка обобщить накопленный в прошлом колоссальный опыт государственной политики по развитию восточных территорий России, а также опыт разработки и реализации различных методов этой политики в разные периоды времени. Особое внимание уделено анализу тенденций в экономике и социальной сфере Дальнего Востока и Байкальского региона в постсоветский период и сценарным прогнозам, описывающим возможные варианты развития макрорегиона в период до 2025 года» [8, с. 4].

Структура монографии вполне понятна: есть «Введение» и «Заключение», «Список литературы» и 12 глав [8, с. 260–262].

Первая глава – «Экономическая история Дальнего Востока»¹ – это не совсем экономическая история Дальнего Востока, а, скорее, попытка не столько описать и объяснить эволюцию экономики региона (хотя и это есть), сколько выполнить своего рода ретроспективный анализ государственной политики в отношении своей дальневосточной окраины. И такой подход можно только приветствовать. Можно, но не будем. И причина тому необычайно проста: чтобы использовать тот или иной аналитический инструментарий, для начала следует определиться с его возможностями, а заодно определиться с тем кругом источников, которые следует вовлечь в оборот.

Сразу же отметим, что о возможностях ретроспективного анализа авторы комментируемой монографии речи не ведут: примем это как факт. А вот что касается источниковой базы, то здесь есть смысл остановиться подробнее.

Итак, что же мы находим? Основным источником авторов – монография Н.И. Рябова и М.Г. Штейн «Очерки истории русского Дальнего Востока. XVII – начало XX века» [19]. То есть читателю предлагают поверить, что

¹ Автор не ошибся, именно так: «Экономическая история Дальнего Востока», без Байкальского региона. И хотя Байкальского региона нет в названии главы, в тексте содержится немало упоминаний о Сибири. И здесь невольно возникает вопрос, имеющий уже не частный, но методологический характер: а Дальний Восток, Сибирь и Байкальский регион на протяжении всей истории освоения Азиатской России оставались в неизменных границах?

почти шесть десятилетий и сибирские, и дальневосточные историки¹ (а есть еще и специалисты из других регионов, которые занимались исследованием проблем освоения Сибири и Дальнего Востока) не создали ничего стоящего в сравнении с упомянутой выше монографией? Можно указать ряд работ [1; 3; 18], в которых историки были инкорпорированы, причем весьма удачно, в исследовательские проекты, имевшие целью выяснение траекторий развития Сибири и Дальнего Востока.

Перейдем к результатам ретроспективного анализа экономического и социального развития региона. Ожидаемо, что авторы предлагают периодизацию, в рамках которой выделяют три периода: досоветский, советский и постсоветский².

Итак, что же актуально, по мнению авторов, из того, что имело место в первый, досоветский период? Отмечая, что «...важной особенностью до-революционного освоения Сибири и Дальнего Востока были высокие темпы социально-экономического развития этих территорий» [8, с. 22], авторы констатируют, что и высокие темпы роста, и его достаточно высокое качество определялись целым набором факторов. При этом они не без оснований полагают, что роль ключевого фактора играла *«разумная экономическая политика государственной власти по освоению восточных территорий страны»* [8, с. 24]. Более того, политика эта имела все черты осознанной стратегии.

Здесь следует, перед тем как рассмотреть особенности государственной политики в отношении Дальнего Востока и Сибири, сделать паузу и попытаться разобраться в том, что было продекларировано выше относительно «осознанной стратегии»³. Более того, как-то не приходится говорить и о том, что в отношении всего рассматриваемого периода имела место какая бы ни было государственная экономическая политика.

Отметим, что если даже ограничиться только экономической историей Дальнего Востока, то придется признать, что высокие темпы развития были вовсе не характерны для всего досоветского периода (см. работы [2; 3–6; 12]).

¹ А если к этому добавить, что проблемами колонизации Дальнего Востока и Сибири занимались, и безуспешно, еще и экономисты, и географы, и специалисты иных областей системы общественных наук, то попытка осуществить ретроспективный анализ, опираясь на столь скудную источниковую базу, сопряжена, как минимум, с опасностью пройти мимо чего-то очень важного.

² Правда, если речь идет о Дальнем Востоке, то 1917 г. никак не может быть рубежом – советизация начинается с конца октября 1922 г. Да и в Сибири советизация произошла вовсе не в 1917 г. Факты эти общеизвестны, и почему их проигнорировали авторы, остается неизвестным.

³ Именно продекларировано, так как читатель не найдет в тексте ни анализа источников, имеющих непосредственное отношение к разработке государственной политики в отношении колонизации региона, ни анализа результатов этой политики, который предполагает использование статистических материалов.

Однако оставим на время детали, хотя они важны, и остановимся на успешно зарекомендовавших себя, по мнению авторов монографии, элементах государственной политики:

- использование восточного направления для выхода на новые рынки и обхода внеэкономических торговых барьеров;
- предоставление дополнительных прав властям регионов с трудными и специфическими условиями хозяйственной деятельности;
- создание центральных ведомств, отвечающих за развитие конкретных регионов;
- предоставление субсидий, льгот и преференций для освоения отдаленных территорий;
- опережающее развитие транспортной инфраструктуры; стимулирование миграции в малозаселенные регионы с большим потенциалом развития;
- государственно-частное партнерство при освоении отдаленных территорий и при реализации мегапроектов (включая активную хозяйственную деятельность самого государства) и т. д. [8, с. 29].

Отметим, что «использование восточного направления для выхода на новые рынки и обхода внеэкономических торговых барьеров» есть не элемент политики по отношению к Дальнему Востоку, а просто компонент геополитической стратегии Российской империи в последней трети XIX в.

Относительно предоставления «дополнительных прав властям регионов с трудными и специфическими условиями хозяйственной деятельности» можно отметить следующее. Действительно, Дальний Восток и Забайкалье (ДВиБР) практически с момента завершения формирования территории региона представляли собой единую административно-территориальную единицу – Приамурское генерал-губернаторство. Наверное, были какие-то дополнительные права и кому-то конкретно они были предоставлены, но кроме декларации в тексте об этом ничего нет, и одинаково справедливо принять эти слова на веру или считать их заблуждением.

Еще более загадочно выглядит утверждение, что имело место «создание центральных ведомств, отвечающих за развитие конкретных регионов». Как и в предыдущем случае, искать в тексте, что это были за «ведомства», бессмысленно: их там нет. Хотя были очень интересные организации, которым было вменено не столько «развитие конкретных регионов», сколько, говоря современным языком, реализация общенациональных проектов. Упомянем только некоторые из них: Комитет Сибирской железной дороги, Комитет по заселению Дальнего Востока. Но, пожалуй, не меньший интерес представляли такие организации, как Переселенческое управление, деятельность которого охватывала не только Сибирь и Дальний Восток, но и территории нынешних Казахстана и государств Центральной Азии. Их деятельность

достаточно подробно исследована историками, но практически неизвестна экономистам, и это конечно же не вина историков.

Относительно предоставления «субсидий, льгот и преференций для освоения отдаленных территорий» опять констатируем: в тексте нет смысла искать результатов анализа упомянутых выше мер. А как было бы интересно узнать мнение столь авторитетных исследователей относительно эффективности субсидий, льгот и преференций, равно как и в отношении государственно-частного партнерства. Особенно в контексте современных институциональных новаций, таких как «дальневосточный гектар»¹.

Однако оставим рассмотрение тех элементов государственной экономической политики, которые авторы рецензируемой монографии заносят в актив органам власти досоветской России, и перейдем к тем, которые, по их мнению, следует рассматривать как ошибки, таковых две. Первая заключалась «... в преждевременной либерализации внутреннего рынка дальневосточных регионов» [8, с. 27], а вторая – в «...недостаточно хорошей подготовке мероприятий, которые должны были обеспечивать укоренение переселенцев» [8, с. 28]. Что скрывается за фразой «либерализация внутреннего рынка», понять невозможно – может быть, режим «порто-франко», может быть, что-то еще. Невозможно понять и что есть «недостаточно хорошая подготовка мероприятий», ибо неясно, а что есть хорошая подготовка мероприятий? Но даже если принять за истину, что подготовка была недостаточно хороша, то почему при этом имел место рост экономики, даже к тому же качественный?

Что же касается советского периода, то его анализ предвосхищается следующим пассажем: «Несмотря на кардинальные различия между политическими и экономическими системами императорской и советской России, власти СССР при освоении восточных территорий страны руководствовались логикой, очень похожей на логику предшественников» [8, с. 30].

Упомянутая логика нашла отражение в системе стратегических приоритетов, к числу которых В.И. Ишаев, В.В. Ивантер и Д.Б. Кувалин, относят:

- решение военно-политических задач, стоявших перед страной [8, с. 30]²;
- освоение ресурсного потенциала макрорегиона [8, с. 32], которое, в свою очередь, предопределило еще один приоритет, а именно:
- активное развитие внешней торговли через восточные границы, вклю-

¹ И если уж речь зашла об этом пресловутом гектаре, то было бы неплохо напомнить, что в соответствии с Законом от 01.07.1882 г. переселенцам предоставлялся не только земельный надел до 100 десятин, но и освобождение на 5 лет от всех государственных повинностей. Этим же законом была установлена целая система безвозвратных пособий: материалов для постройки жилья, живого инвентаря (корова + лошадь), семян и предметов, необходимых для хозяйственного обзаведения. Подробно этот вопрос освещен в [4].

² Этот приоритет был отнесен авторами к числу важнейших.

чая выход на новые экспортные рынки и расширение масштабов вывоза продукции [8, с. 34];

- создание полноценной промышленности по переработке добываемого сырья и производству конечной продукции [8, с. 35].

Как некоторое подведение предварительных итогов – следующий пассаж: «Реализация перечисленных приоритетов экономической политики СССР на востоке страны требовала значительного увеличения численности населения макрорегиона. Как и в дореволюционной России, эта задача частично решалась за счет жестких внеэкономических мер, включавших в себя принудительную отправку на Дальний Восток и в Байкальский регион заключенных, ссыльных, военнослужащих и т. п.» [8, с. 35].

У рецензента нет достаточных сведений относительно Байкальского региона, но что касается Дальнего Востока, то в дореволюционный этап его истории труд заключенных не был решающим фактором развития его экономики. Будет уместным вспомнить Сахалинскую каторгу и строительство Амурской колесухи, наверное, были и другие случаи. А в советский период, с конца 20-х и до середины 50-х гг. XX в., без труда заключенных трудно представить «великие стройки социализма»: довоенный БАМ, освоение Колымы, строительство Комсомольска-на-Амуре и т. д., и т. п. Так что проблема заселения, а шире – развития Дальневосточного региона, особенно его северных территорий, решалась в советское время не просто внеэкономическими методами, а с использованием не жестких, а жестоких методов.

Авторы рецензируемой монографии вполне сочувственно принимают эту жестокость, полагая ее неизбежной и даже «теоретически обоснованной», утверждая, что «... активное использование жестких принудительных методов во многом было предопределено самой целевой установкой о необходимости развивать народное хозяйство восточных территорий СССР очень высокими темпами. Обычные методы экономического стимулирования и даже методы мягкого принуждения оказались явно недостаточными для решения поставленных тогдашним советским руководством задач по развитию страны в целом и Дальнего Востока в частности» [8, с. 43].

Трудно комментировать этот пассаж, сохраняя академическую беспристрастность. Можно только посоветовать авторам монографии обратиться к официальным и художественным свидетельствам и документам, прежде чем приравнивать государственное преступление к достижениям научного государственного управления. Кстати, утверждение о том, что ГУЛАГ был предопределен и что иначе никак нельзя было развивать ускоренно восточные районы страны, просто противоречит фактам. Сами авторы монографии ранее писали о том, что в досоветский период вполне успешно и быстро развивался Дальний Восток и безо всяких «рабовладельческих схем».

Авторы находят еще одно общее для досоветского и советского периодов: «...советская политика освоения восточных территорий была, как и в императорской России, достаточно гибкой» [8, с. 36]. И здесь приводится пример Дальстроя, который, по мнению авторов, не только отражал ту самую «гибкость», но и был наиболее ярким образцом «...особых государственных структур, ответственных за реализацию ... крупных проектов или решение крупных задач народнохозяйственного значения» [8, с. 38].

Далее следует панегирик Дальстрою: «Несмотря на свою крайнюю спорность и противоречивость, методы жесткого внеэкономического принуждения стали одним из ключевых факторов, предопределивших мощный производственный рывок на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе. Жесткая управленческая вертикаль; возможность использовать относительно дешевый труд заключенных; строгая дисциплина, поддерживаемая репрессиями (порою чрезвычайно свирепыми); относительно свободный доступ к необходимым финансовым и материальным ресурсам – все это предопределило успехи Дальстроя и других аналогичных структур в решении поставленных перед ними задач. Темпы прироста производства в этих «госкорпорациях» были, как правило, чрезвычайно высоки» [8, с. 45]¹.

Естественно, что никаких экономических оснований для подтверждения этого крайне обязывающего вывода авторы не приводят. Но вот появление в этом пассаже «госкорпорации» очень показательны.

И что же в конечном итоге? Да в общем и целом все хорошо, все развивается благодаря мудрой государственной политике, в том числе и ДВиБР.

Но затем наступает постсоветский период, и все оказывается не очень хорошо, так как последовали удары по экономике. Таковых авторы насчитали – три [8, с. 49–50], но в общем и целом все сводится к одному – государство отказалось от роли активного игрока в экономике ДВиБР.

По мнению В.И. Ишаева, В.В. Ивантера и Д.Б. Кувалина, спад в экономике ДВиБР 1990-х гг. носил структурный характер. В то же время авторы делают однозначный вывод о том, что «...одной из ключевых причин глубокого социально-экономического кризиса в макрорегионе стал отказ от проверенных десятилетиями и даже столетиями стратегических подходов к развитию этих территорий» [8, с. 53]. Очевидно, следует понимать, что отказались, в том числе, и от «внеэкономических методов». На самом деле от них отказались еще в 1950-е гг.

Но в большей степени авторов монографии беспокоит то, и в этом они

¹ Справедливости ради отметим, что, завершая рассмотрение советского этапа, авторы приходят к следующему умозаключению: «...жесткие авторитарные методы управления имеют хотя и высокую, но ограниченную во времени результативность, генерируя при этом множество нежелательных социально-политических эффектов» [8, с. 47]. Добавим: этих нежелательных эффектов не только множество, но их последствия ощутимы до настоящего времени.

видят главную проблему, что финансово-экономический блок федерального правительства руководствовался «более чем спорными теоретическими постулатами», а «верность упомянутых постулатов опровергла сама жизнь, поскольку основанная на них экономическая политика федерального правительства оказалась крайне неэффективной» [8, с. 53].

Впрочем, ожидания читателя относительно анализа теоретических концепций не оправдываются: ни о постулатах, ни о теоретических построениях речи не идет. Судя по всему, авторы считают этот вопрос, несмотря на все последствия для экономики современной России, закрытым¹.

Здесь возникает вполне законный вопрос: государство Российское отказалось от реализации активной политики в отношении ДВиБР, так как у него просто не было на то средств, или же оно посчитало целесообразным сменить вектор, посчитав, что Восток не опасен в геополитическом отношении, а будущее России определяется характером ее взаимоотношений с Западом?

На этом заканчиваем с «историей» и переходим к «географии», которая изложена во второй главе «Экономико-географическая характеристика Дальнего Востока и Байкальского региона».

Прежде всего отметим, если авторы взялись за составление экономико-географической характеристики (ЭГХ) ДВиБР, то хотелось бы понимать, какую цель они преследовали. Ибо не может быть ЭГХ региона (или иного территориального объекта), пригодного на все случаи жизни. При этом следует учитывать, что со времен секции районирования Госплана, с начала 20-х гг. XX в., когда речь заходит о ЭГХ, как об одном из элементов стратегического анализа, имеет место понимание того, что экономика – это не только совокупность отраслей, но и территориальных экономических структур. И если описание отраслей, хотя и очень своеобразное², в монографии присутствует, то искать в тексте результаты анализа территориальных экономических структур не стоит. Их нет, так как этот сюжет остался вне поля зрения авторов³.

¹ Действительно, дискуссии в научном сообществе о путях развития отечественной экономики практически прекратились. И это понятно: что спорить о научных достоинствах той или иной теоретической концепции, когда в сфере общественной практики, и в первую очередь в государственном управлении, возобладала точка зрения, согласно которой Запад с его научными концепциями нам не указ.

² Говоря о том, что структура ЭГХ отличается своеобразием, мы имели в виду следующее: есть «природные ресурсы и добыча сырья», есть «электроэнергетика и обрабатывающая промышленность», есть «научно-образовательная сфера» и, в завершение, «туристско-рекреационные возможности», «коренные и малочисленные народы ДВиБР» и «экологическая ситуация». Рискну предположить, что такая программа составления ЭГХ не только очень отличается от общепринятых образцов (см., например, так называемую «синюю серию», в которой был том, посвященный Дальнему Востоку [13]), но и мало чем может помочь для определения источников конкурентных преимуществ тех или иных местоположений в пределах ДВиБР.

³ Правда, в главе «Потенциал развития субъектов РФ Дальнего Востока и Байкальского региона» на семи страницах приводится справочная информация относительно того, какие отрасли локализируются в пределах субъектов РФ.

Тем не менее есть несколько положений, на которые стоит обратить внимание. Первое из них: «Имеющиеся в макрорегионе запасы первичного сырья являются крупнейшими в Северо-Восточной Азии. В сущности, это обстоятельство представляет собой одно из основных конкурентных преимуществ Дальнего Востока и Байкальского региона, так как нехватка многих видов сырья в быстрорастущих экономиках стран-соседей генерирует масштабный и устойчивый спрос на природные ресурсы востока России» [8, с. 58–59].

По мнению рецензента, это положение, как минимум, требует доказательств, ибо есть работы, в которых этот тезис не то чтобы опровергался, но существенно корректировался. Во всяком случае, утверждение о «крупнейших запасах» совершенно неточно. «Запасы» – это литературный оборот. Для разных компонентов этих запасов ситуация описывается совершенно различными параметрами [11; 17; 20; 21].

Далее переходим к третьей главе «Современная социально-экономическая ситуация на территории Дальнего Востока и Байкальского региона».

Особого внимания заслуживает оценка авторами монографии ключевой угрозы развития макрорегиона – «масштабный отток населения с востока России», причина которой – «низкий уровень жизни населения ДВиБР и общая неустойчивость социально-экономической ситуации в макрорегионе» [8, с. 68]. При этом авторы даже не задаются вопросами, которые буквально напрашиваются: а может быть, первопричина в том, что фирмы с пропиской в ДВиБР оказались просто неконкурентоспособными? Может быть, проблема конкурентоспособности фирм находится вне фирм, а в институтах? Или, может быть, неконкурентоспособными оказались те местоположения¹, где эти фирмы осуществляют свою деятельность? Вместо этого вновь говорится об опережающем росте стоимости услуг и транспортных тарифов².

Несмотря на наличие серьезных проблем в экономике ДВиБР, авторы монографии полагают, что регион «обладает целым рядом конкурентных преимуществ и масштабным потенциалом развития» [8, с. 71]. К числу наиболее значимых конкурентных преимуществ ДВиБР авторы относят:

- *Непосредственное соседство со странами, которые представляют собой наиболее динамичную часть глобальной экономики и имеют отличные перспективы для дальнейшего роста* [8, с. 71].

- *Наличие огромных запасов природных ресурсов, которые способны стать базой как для реализации высокорентабельных проектов, ориентированных на экспорт, так и для развертывания новых масштабных производств по переработке сырья и созданию высокотехнологичной продукции.*

¹ Ибо никто не отменял конкуренцию не только на страновом уровне, но и между местоположениями (регионами, городами).

² И вновь ДВиБР сравнивают со среднероссийскими показателями.

• *Возможность использования транзитного потенциала территории ДВиБР*¹ [8, с. 72].

• *Возможность использования программ развития ДВиБР в качестве инструментов, которые будут расширять масштабы внутреннего спроса и выполнять роль компенсаторов для всей российской экономики в периоды стагнации внешнего спроса*². *Возможность использования преимуществ «опережающего развития»* [8, с. 73]³.

Подобный перечень весьма обычен для отечественных работ по проблемам развития регионов. Действительно, в «экспертной практике» как-то не принято задавать вопросы (и тем более отвечать на них) о том, а что есть конкурентоспособность региона в понимании авторов? Можно привести немало публикаций, в которых в качестве таковых рассматриваются и «непосредственное соседство», и «наличие огромных запасов», и «возможность использования» в качестве конкурентных преимуществ. Но есть и другие примеры, вполне достойные, с точки зрения рецензента, подражания. Например, работы М. Портера [15; 16] или Ф. Котлера [10], многих других авторов, в которых подробно рассматривается конкурентоспособность стран, регионов, городов.

Конечно, рецензенту хотелось бы получить ответ еще на один немаловажный вопрос: кто является конкурентом ДВиБР?

Определив, что есть конкурентные преимущества ДВиБР, авторы монографии переходят в четвертой главе к определению целей, задач и сценарных прогнозов развития ДВиБР.

Здесь можно обнаружить следующее: «Ключевой стратегический замысел, который закладывался в Государственную программу развития ДВиБР, заключается в том, чтобы превратить макрорегион в высокоразвитую территорию, привлекательную как для проживания людей, так и для ведения бизнеса» [8, с. 74].

Не будем слишком придирчивы к литературным погрешностям, к кото-

¹ По мнению авторов, «создание новых и модернизация существующих транспортных магистралей, в том числе Транссиба, БАМа, железнодорожного перехода на Сахалин и транскорейской железной дороги, развитие Северного морского пути, рост скорости транспортного сообщения и повышение пропускной способности, позволят переключить на восточные регионы России часть грузопотоков по маршруту Азия – Европа – Азия». Все бы хорошо – и мостовой переход на Сахалин, и модернизация БАМа и Транссиба, хуже другое: у этого маршрута есть конкуренты.

² При этом авторы считают, что «развитие востока России способно стать антикризисным и антициклическим регулятором в случае ухудшения ситуации в мировой и национальной экономике, так как массовое развертывание инвестиционных проектов обеспечит спрос на продукцию отечественных производителей в случае сокращения экспортных поставок и стагнации спроса в западных регионах страны». И опять-таки, если восток России – это Дальний Восток, то масштабы его экономики крайне невелики, чтобы служить антикризисным и антициклическим регулятором.

³ Выделение сделано авторами монографии.

рым, очевидно, следует отнести «превращение» макрорегиона в «территорию». Но дальше следует, что, исходя из этого замысла, уже не авторы, а «разработчики» Государственной программы сформулировали основные цели и задачи развития ДВиБР¹. Не входя в детали, отметим, что первая их них – «формирование условий для опережающего развития ДВиБР, превращение макрорегиона в конкурентоспособную территорию с диверсифицированной экономикой, в структуре которой важную роль играют высокотехнологичные производства с высокой нормой добавленной стоимости» [8, с. 74].

То есть ДВиБР в ходе ускоренного развития превращается не просто в высокоразвитую территорию, но к тому же территорию конкурентоспособную? К тому же не очень понятно и из предшествующего текста монографии: кого ДВиБР должны опережать? Москву? Урал? Сопредельные провинции КНР? Можно, конечно, сказать, что рецензент излишне придирчив к словам, но все-таки хотелось бы большей ясности в терминах.

Что же касается второй цели, которая предполагает «обеспечение роста численности населения ДВиБР, обеспечение более высоких темпов и опережающего развития и доходов населения, и социальной сферы», то вновь возникают вопросы. Такие, например, как: рост численности предполагается для всего макрорегиона или только для отдельных его частей? Какие макрорегионы ДВиБР должен опережать по темпам роста доходов населения? Для чего нужно увеличивать численность населения? Есть конкретные размеры такого увеличения, и чем они обусловлены? Кто должен обеспечивать рост доходов растущего населения?

Относительно сценарных прогнозов развития ДВиБР, представленных в монографии, ограничимся указанием на то, что авторы ожидаемо в качестве ключевого параметра рассматривают «суммарный объем капиталобразующих инвестиций в экономику макрорегиона в период до 2025 г.» [8, с. 77].

Почему – ожидаемо? Таков сложившийся стереотип. Другое дело, насколько эффективен такой подход в сфере регионального стратегирования, особенно, когда речь идет о макрорегионах. Может быть, речь должна идти (во всяком случае применительно к Дальнему Востоку) о геостратегических приоритетах России? А они, как известно, не есть нечто заданное раз и навсегда. Как, впрочем, и объем ресурсов, которыми располагает государство².

Но все-таки вернемся к тексту, тем более, что там появляются интерес-

¹ То есть авторы монографии и разработчики Программы – это одни и те же люди? Если – да, то понятно, почему они не высказывают своего мнения относительно и ключевого стратегического замысла, и целей Программы. Но если это не так, то надо полагать: авторы вполне согласны с «разработчиками».

² Вопрос этот достаточно широко освещен и в исторической, и в экономической литературе [14].

ные цифры и факты: «Наиболее благоприятный сценарий развития ДВиБР, позволяющий решить практически все основные проблемы макрорегиона, предполагает увеличение суммы инвестиций до 18,5 трлн руб. и рост ВРП в 2,77 раза к 2025 г.» [8, с. 79].

Комментарий здесь практически не нужен. Ибо в апреле 2014 г. постановлением Правительства РФ утверждена новая версия государственной Программы, в рамках которой предполагается потратить 346 млрд руб.¹ Но дело не только в цифрах, хотя их сопоставление впечатляет, дело еще и в том, что радикальным образом поменялась сама структура Программы. Из Программы были исключены все отраслевые подпрограммы и все комплексные инвестиционные проекты, общее число которых 23. Что называется, почувствуйте разницу!

Далее перейдем к пятой главе, в которой авторы рассматривают механизмы и инструменты государственного регулирования.

Наибольший интерес вызывает предложение «кодифицировать меры правового регулирования в одном законодательном акте – федеральном законе «О социально-экономическом развитии Дальнего Востока и Байкальского региона» с одновременным внесением изменений и дополнений в другие федеральные и региональные законодательные акты» [8, с. 97].

По мнению В.И. Ишаева, В.В. Ивантера и Д.Б. Кувалина, принятие такого федерального закона позволит обеспечить следующие результаты:

- правовое закрепление особых условий развития территории ДВиБР и формирование специализированного подхода к инвестиционным проектам, их государственной поддержке и предоставлению государственных и квазигосударственных гарантий;
- правовое закрепление индивидуально определенных льгот и преференций без распространения данных льгот на всю территорию России и/или на все субъекты Российской Федерации;
- создание комфортных для частных инвесторов условий осуществления инвестиций в инфраструктурные проекты, включая нормы, обеспечивающие устранение правовых барьеров [8, с. 150–151].

С одной стороны, такой федеральный закон укладывается во вполне очевидную логику: есть регион, который определен высшим руководством страны как приоритетный, назначен орган, ответственный за его развитие, то есть Министерство по развитию Дальнего Востока, но нет закона. Иначе говоря, игрок есть, а по каким правилам ему играть, не очень ясно. Можно предпо-

¹ Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 308 «Об утверждении государственной программы РФ «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона».

ложить, что, скорее всего, по тем же, что и другие министерства, но почему не по «своим»? И тогда предлагаемый законопроект задает эти «правила»¹. С другой стороны, при отсутствии специального органа управления федерального уровня, ответственного за развитие отдельно взятого региона², в данном случае ДВиБР, создание особого федерального закона для этого региона создает предпосылки для того, что и другие регионы будут иметь устремления получить свой собственный федеральный закон. Как тогда быть?

Помимо принятия федерального закона авторы монографии считают необходимым «усилить роль специальных территорий ведения бизнеса (территориальных кластеров)» [8, с. 97]. Фраза загадочная: что такое специальные территории ведения бизнеса? Пояснение – территориальные кластеры, скорее, затемняет, чем проясняет. Если речь идет о кластерах в теоретических построениях М. Портера и его последователей [15; 16]³, то они «территориальны» по определению, если же имеет место авторский подход, то очень бы хотелось понять, в чем он заключается.

Отсутствие в работе ясности при использовании тех или иных терминов очень затрудняет понимание авторской мысли. Особенно терминологическая невнятность проявляется, когда авторы в заключительных главах переходят к предложениям по модернизации экономики ДВиБР, как в разрезе отдельных отраслей (межотраслевых комплексов?), так и комплексных инвестиционных проектов (КИП). Тем не менее перейдем к некоторым обобщениям, имеющим отношение к монографии в целом.

Начнем с констатации факта: монография «Экономика Дальнего Востока и Байкальского региона: государственный подход» – это своего рода памятник эпохе. Той эпохе, которая характеризовалась положительной экономической динамикой, наличием у государства достаточно больших объемов ресурсов, что неизбежно в современных российских реалиях мотивировало и власть, и научно-экспертное сообщество на создание амбициозных проектов развития и страны в целом, и таких ее частей как ДВиБР, в частности.

И государственная Программа (в ее первоначальной версии), и монография в этом отношении вполне типичное явление, со всеми достоинствами и недостатками. При этом автор исходит из того, что те недостатки, на которые было обращено внимание читателей, проистекают во многом из край-

¹ Здесь, правда, возникает одна сложность управленческого характера, которая не имеет очевидного решения. Речь идет о том, что министерство имеет в качестве объекта регулятивного воздействия ДВ, а ФЗ предполагается вводить для ДВиБР. А если в силу тех или иных причин произойдет изменение конфигурации ДВиБР? Ведь совсем недавно было ДВиЗ, то есть Забайкалье, тогда как быть?

² О непростой судьбе Минрегионразвития см. [22].

³ Конечно, кластерная теория М. Портера лишь одна из многих, но на настоящий момент, пожалуй, самая разработанная.

ней сложности самой проблемы. А отчасти они являются отражением тех стереотипов, назовем их деструктивными, которые сложились в теории и практике регионального стратегического планирования. Обратим внимание только на те из них, которые в явном виде проявились в рассматриваемой работе. Первый стереотип – недостаточное внимание к теоретическим проблемам регионального развития. Кстати, в монографии нет раздела, в котором были бы рассмотрены теоретические основания и методологические подходы в исследовании проблем развития столь специфического макрорегиона, как ДВиБР. Второй – принятие как данности того, что будущее обязательно будет лучше настоящего. События последних лет свидетельствуют скорее об обратном, и в связи с этим вовсе не случаен фактический отказ от реализации государственной Программы в ее первоначальной версии. Она просто не содержала соответствующего сценария.

А теперь о том, что, по мнению рецензента, является несомненным достоинством представленной монографии – это вовсе не законодательные новации и не КИПы, а последовательное, может быть, не всегда должным образом аргументированное, развитие тезиса «...государству следует не просто «оказывать помощь» своим восточным территориям, а превратить развитие этих территорий в один из главных способов ускорения социально-экономической динамики для страны в целом» [3, с. 252].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азиатская часть России: моделирование экономического развития в контексте опыта истории. Новосибирск: СО РАН, 2012. 464 с.
2. *Алексеев А.И., Морозов Б.Н.* Освоение русского Дальнего Востока (конец XIX в. – 1917 г.). М.: Наука, 1989. 224 с.
3. *Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В.* Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX веков. М.: Наука, 2004. 600 с.
4. Антология экономической мысли на Дальнем Востоке. Вып. 1. Колонизационные процессы в Приамурском крае на рубеже XIX–XX веков. Хабаровск: РИОТИП, 2008. 208 с.
5. Антология экономической мысли на Дальнем Востоке. Вып. 2. Исследования сельской экономики Приамурского края между Русско-японской и Первой мировой. Хабаровск: РИОТИП, 2009. 288 с.
6. Антология экономической мысли на Дальнем Востоке. Вып. 3. Амурская экспедиция 1910 года. Хабаровск: КГУП «Хабаровская краевая типография», 2010. 288 с.
7. *Демьяненко А.Н.* Некоторые соображения о Дальнем Востоке, Байкальском регионе и пользе чтения // Регионалистика. 2016. Т. 3. № 2. С. 6–11.
8. *Ишаев В.И., Ивантер В.В., Кувалин Д.Б.* Экономика Дальнего Востока и Байкальского региона: государственный подход. М.: МАКС Пресс, 2015. 264 с.
9. *Кабузан В.М.* Дальневосточный край в XVII – начале XX в. (1640–1917). М.: Наука, 1985. 264 с.

10. *Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д.* Маркетинг территории. СПб.: Стокгольмская школа экономики в СПб., 2005. 376 с.
11. *Ломакина Н.В.* Минерально-сырьевой комплекс Дальнего Востока России: потенциал развития. Хабаровск: РИОТИП, 2009. 240 с.
12. *Мандрик А.Т.* История рыбной промышленности российского Дальнего Востока (50-е годы XVII – 30-е годы XX века. Владивосток: Дальнаука, 1994. 192 с.
13. *Марголин А.Б.* Проблемы народного хозяйства Дальнего Востока. М.: АН СССР, 1963. 256 с.
14. *Минакир П.А., Прокапало О.М.* Региональная экономическая динамика. Дальний Восток. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. 304 с.
15. *Портер М.* Конкурентное преимущество. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. 715 с.
16. *Портер М.* Конкуренция. М.: Вильямс, 2000. 495 с.
17. Природопользование Дальнего Востока России и Северо-Восточной Азии: потенциал интеграции и устойчивого развития / под ред. А.С. Шейнгауза. – Владивосток; Хабаровск: ДВО РАН, 2005. 528 с.
18. Проблемы регионов ресурсного типа: экономическая интеграция Европейского Северо-Востока, Урала и Сибири. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2002. 359 с.
19. *Рябов Н.И., Штейн М.Г.* Очерки истории русского Дальнего Востока. XVII – начало XX века. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1958. 170 с.
20. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко. Владивосток: Дальнаука, 2011. 912 с.
21. Тихоокеанская Россия 2030: сценарное прогнозирование регионального развития / под ред. П.А. Минакира. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. 560 с.
22. *Швецов А.Н.* Региональная политика в структуре органов государственного управления: взлеты и падения Минрегионразвития // Регионалистика. 2014. Т. 1. № 3. С. 76–85.

**BETWEEN THEORY AND PRACTICE
(ON THE MONOGRAPH OF V.I. ISHAYEV,
V.V. IVANTER, D.B. KUVALIN «ECONOMY
OF THE FAR EAST AND BAIKAL REGION:
A NATIONAL APPROACH»)**

A.N. Demyanenko

The article presents the reviewer's opinion about the monograph of V.I. Ishayev, V.V. Ivanter and D.B. Kuvalin «Economy of the Far East and Baikal Region: a National Approach». As the monograph's merit the reviewer marks the thesis about the Eastern territories' transformation into one of the main ways of accelerating of socio-economic dynamics of Russia in general. As the main drawback the reviewer notes the lack of analysis of theoretical and methodological problems of regional development, which is a reflection of destructive stereotypes in the theory and practice of regional strategic planning. The monograph also suffers from limited bibliography.

Keywords: state economic policy, state program, long term prospects, macro-region, Far East, Baikal region.

REFERENCES

1. *Asian Part of Russia: Modeling of Economic Development in the Context of the History Experience*. Novosibirsk: SB RAS, 2012, 464 p. (In Russian).
2. Alekseev A.I., Morozov B.N. *Development of the Russian Far East (the End of XIX Century – 1917)*. Moscow, 1989, 224 p. (In Russian).
3. Alekseev V.V., Alekseeva E.V., Zubkov K.I., Poberezhnikov I.V. *Asian Russia in Geopolitical and Civilizational Dynamics. XVI–XX Century*. Moscow, 2004, 600 p. (In Russian).
4. *The Anthology of Economic Thought in the Far East. Issue 1. Colonization Processes in Priamurye Region at the Turn of 20th Century*. Khabarovsk, 2008, 208 p. (In Russian).
5. *The Anthology of Economic Thought in the Far East. Issue 2. The Study of the Rural Economy Amur Region between the Russian-Japanese War and World War*. Khabarovsk, 2009, 288 p. (In Russian).
6. *The Anthology of Economic Thought in the Far East. Issue 3. The Amur Expedition of 1910*. Khabarovsk, 2010, 288 p. (In Russian).
7. Demyanenko A.N. Some Thoughts on the Far East, the Baikal Region, and the Benefits of Reading *Regionalistica* [Regionalistics], 2016, vol. 3, no. 2, pp. 6–11. (In Russian).
8. Ishaev V.I., Ivanter V.V., Kuvalin D.B. *The Economy of the Far East and Baikal Territory: State Approach*. Moscow, 2015, 264 p. (In Russian).
9. Kabuzan V.M. *The Far-Eastern Land in the XVII – early XX Centuries (1640–1917)*. Moscow, 1985, 264 p. (In Russian).
10. Kotler P., Asplund K., Rein I., Haider D. *Marketing Places*. Saint Petersburg: Stockholm School of Economics Russia, 2005, 376 p. (In Russian).
11. Lomakina N.V. *The Mineral Resources Sector of the Russian Far East: The Development Potential*. Khabarovsk, 2009, 240 p. (In Russian).
12. Mandrik A.T. *History of the Fishing Industry of the Russian Far East (50-ies of the XVII – 30-ies of the XX Centuries)*. Vladivostok, 1994, 192 p. (In Russian).
13. Margolin A.B. *Problems of National Economy of the Far East*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1963, 256 p. (In Russian).
14. Minakir P.A., Prokapalo O.M. *Regional Economic Dynamics. The Russian Far East*. Khabarovsk: Economic Research Institute FEB RAS, 2010, 304 p. (In Russian).
15. Porter M. *Competitive Advantage*. Moscow, 2006, 715 p. (In Russian).
16. Porter M. *Competition*. Moscow, 2000, 495 p. (In Russian).
17. *Natural Resources Use of the Russian Far East and Northeast Asia: Potential of Integration and Sustainable Development*. Edited by A.S. Sheingauz. Vladivostok; Khabarovsk: FEB RAS, 2005, 528 p. (In Russian).
18. *Problem Regions of Resource Type: Economical Integration of European North-East, Ural and Siberia*. Novosibirsk: Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS, 2002, 359 p. (In Russian).
19. Ryabov N.I., Shteyn M.G. *Essays on the History of the Russian Far East. XVII – Beginning of XX Century*. Khabarovsk, 1958, 170 p. (In Russian).
20. *The Synthesis of Scientific-Technological and Economic Forecasts: Pacific Russia – 2050*. Edited by P.A. Minakir., V.I. Sergienko. Vladivostok, 2011, 912 p. (In Russian).
21. *The Pacific Russia – 2030: Scenario Forecasting for Regional Development*. Edited by P.A. Minakir. Khabarovsk: Economic Research Institute FEB RAS, 2010, 560 pp. (In Russian).
22. Shvetsov A.N. Regional Policy in the Structure of State Governance: The Rises and Falls of the Ministry of Regional Development. *Regionalistica* [Regionalistics], 2014, vol. 1, no. 3, pp. 76–85. (In Russian).